

ШВЕЙЦАРИЯ

ХРОНИКА

Газета «Франкфуртер альгемайне» о книге Томаса Хюрлимана «Город-спутник»

Цюрихское издательство «Амманн» выпустило новый прозаический сборник Томаса Хюрлимана¹ (род. в 1950 г.) «Город-спутник» (Hürliemann, Thomas. Die Satellitenstadt. Geschichten. Zürich, Ammann, 1992. 188 S.). Немецкая газета «Франкфуртер альгемайне» (от 29 сентября 1992 г.) откликнулась на это событие статьей критика Ульриха Вайнцирля. Приводим основные пассажи этой статьи.

«[...] Без имени Хюрлимана, — пишет У.Вайнцирль, — уже немислимы ни новейшая швейцарская, ни даже вся немецкоязычная литературы. В сорок два года у Томаса Хюрлимана заработано нечто большее, чем только репутация, — само имя его стало чем-то вроде знака качества в литературе. Не сказать чтобы прямо комета на небосводе изящной словесности, но упорный тихий труженик Хюрлиман ступил на путь, ведущий к славе, столь буднично и неприметно, сторонясь газетного шума и скандалов, что кажется, будто он пришел к нам из прошлого века. Он регулярно отдает привычную дань театру, причем театру традиционному. Его очень сценичные пьесы — от «Дедушки и сводного брата» до «Посланника» — затрагивают животрепещущие темы, но делают это всегда очень цивилизованно и опять же в рамках традиционных художественных средств. Тщеславие ему совершенно чуждо, и не только тщеславие революционера, но даже и тщеславие новатора; экскурсии в экзотику — также не по его части.

Охотнее всего он пребывает в тех регионах, где лучше всего ориентируется, — в бюргерски-швейцарской конфедерации из прошлого и настоящего, [...] в воспоминаниях детства и предчувствии зарождающейся любви, но также (и прежде всего) в силовом поле незримо присутствующей смерти. Примечательной особенностью Хюрлиманова таланта является двойная одаренность автора: он с одинаковым успехом оправдывает ожидания и читательской, и зрительской (театральной) публики [...]. Многие ценят в Хюрлимане прозаика даже больше, чем драматурга, хотя и не отказывают ему в драматургических способностях. Писательский дебют Томаса Хюрлимана, его прозаический сборник «Тессинка» (1981), в особенности заглавный рассказ сборника, по праву отмеченный премией, знакомил нас с писателем, коему присуща редкостная внутренняя дисциплина, душевная чуткость и вкус, обнаруживаемые как раз в эстетически очень деликатных ситуациях. Неотрывный острый взгляд на ужас умирания (в рассказе описывается медленная и мучительная смерть жены деревенского учителя. — *Ред.*) не оставлял места ни сентиментальности, ни возможным упрекам в вуайеризме.

Среди достоинств этого художника терпение — без сомнения, не последнее. Он предоставляет своим произведениям идти к читателю своим неспешным ходом, не торопится и сам. Лишь в 1989 году появилась вторая [...] прозаическая его работа — новелла «Садовый домик», сразу же отмеченная критикой как маленький шедевр.

¹ См. «Соврем. худож. литература за рубежом», 1983, № 2; 1984, № 5.

С небольшим перерывом выходит в свет третья книга — сборник рассказов «Город-спутник». Не уступает ли эта книга по уровню предыдущим? Отнюдь нет. В ней мы очевидно имеем дело с жатвой того, что было посеяно прежде, да и все без исключения рассказы были опубликованы ранее в швейцарской периодике [...].

У коллекционера и издателя его сочинений наверняка могли бы возникнуть какие-то вопросы или сомнения относительно правильности предпринимаемых им действий. А потому автор, выступая в качестве проводника и экскурсовода по собственному творчеству и собственному миру, готового дать все требующиеся пояснения, поджидает любопытных посетителей у ворот «Города-спутника». Чичероне Хюрлиман сообщает о личных кризисах и о пока что не удавшейся попытке драматургического воплощения выросших в нашу жизнь реликтов XIX века и зримых предвестий XXI, из смешения коих как раз и образуется наша сегодняшняя реальность. Создавать нечто фрагментарное, расколотое, мозаичное (*zerstücktes*) стало для него навязчивой идеей, говорит писатель. И это ему в полной мере удалось [...].

Фрагментарная повествовательная структура книги скрепляется во-едино несколькими сквозными мотивами и действующими лицами. Одним из них выступает рассказчик (со своей семьей), затем — возлюбленная рассказчика, фигурирующая под именем «Ка», страдающая депрессиями и не отличающаяся особой верностью своему избраннику; фигурируют тут и прочие действующие лица из заглавного города-спутника, расположенного где-то близ Цюриха, и, наконец, не последнюю роль играет очень убедительно звучащий *basso ostinato*, лейтмотив меланхолии, воспаленности души — воспаленности на грани душевного расстройства. То, как люди прозябают в неприятных спальнях казематах и потерянно бродят по супермаркетам, как между людьми и окружающей их реальностью втискивается телевидение, которое опутывает, расчленяет и усыпляет их сознание, — все это для Хюрлимана, создателя поэтических осколков, становится главной темой.

Рассказчик у Хюрлимана самозабвенно предается странноватому хобби: он считает себя исследователем и аналитиком рока (судьбы), и в мозгу его рождаются причудливейшие идеи и теории вполне в духе «научных» фантазий [...]. Так, город-спутник, по его мнению, не есть нечто, прозаически-нудно построенное на грешной земле, а своего рода огромный планетоход, совершивший лишь посадку на Земле и способный вопреки воле и планам населяющих его людей снова подняться ввысь, в космос, и устремиться в сторону Сатурна, да так, что никто из его жителей этого даже не заметит. Движущей силой городу-спутнику послужат печаль и гнетущее чувство бессмысленности бытия.

Недурной портрет безумия, вырисовывающийся будто из множества мозаичных камешков и вырастающий до единой метафоры цивилизации. И вообще, то здесь то там пробивается наружу критическое неудовольствие кибернетизированной современностью, и в этих пассажах эпический писатель уступает перо фельетонисту-резонеру. Возражать против этого вряд ли стоит, хотя тон «чистого» повествования пленяет читателя гораздо больше. Тут являет себя высокое искусство не прямой речи, особенно заметное в нескольких прозрачно-чистых миниатюрах, с тонким, едва уловимым юмором в духе Роберта Вальзера. То, что они имеют сообщить, они сообщают нам как бы между прочим и всей своей художественной формой, а не посредством логических аргументов или прямолинейно высказываемых мнений. Кому особенно придутся по вкусу такие вещицы, как «Брат-вестиарий», «Любитель проселочных дорог» или «Полет через Цюрих» — образцы

изысканной, волшебной легкой прозы, тому будут гораздо менее созвучны тексты с более прямыми, отчетливыми авторскими высказываниями.

[...] Тем не менее «Городу-спутнику» в целом, похоже, все-таки не выпала судьба полного совершенства. Нигде в нем Хюрлиман не опускается ниже своего уровня, но нигде и не поднимается над уровнем крепкой мастеровитой прозы до гениальных прозрений. В финале сборника всплывает выражение «боль времени» — первоначально предполагавшееся в качестве названия к сборнику. Может быть, Хюрлиману стоило бы сделать свою меланхолию главной музыкальной темой сборника и ею же ограничиться? Ведь на нее «настроены» все художественно значимые пассажи книги — причем куда в большей степени, чем на умозрительно сконструированный эпохально-масштабный символ города-спутника.

Weinzierl, Ulrich. Unterwegs zum Saturn.
Thomas Hürlimanns «Satellitenstadt».
// Frankfurter Allgemeine Zeitung,
1992, 29.Sept., № 227, S.14.

Г.ШЕВЧЕНКО

ЮГОСЛАВИЯ

Милисав САВИЧ Кувшин воеводы комитов

Савић, Милисав. Куп комитског војводе
Београд, БИГЗ, 1990. 179 с.

Милисав САВИЧ Хлеб и страх

Савић, Милисав. Хлеб и страх
Београд, СКЗ, 1991. 196 с.

В двух новых книгах известный сербский прозаик Милисав Савич¹ (род. в 1945 г.), лауреат премии Андрича, остается верен своей главной теме — анализу духовных проблем современника, раскрытию личности «в потоке времени».

Герой романа «Кувшин воеводы комитов» хочет познать самого себя и для этого обращается к прошлому своей семьи, разыскивает документы начала

века, повествующие о драматических эпизодах борьбы комитов — сербских повстанцев, сражавшихся во время первой мировой войны с болгарскими и австрийскими оккупантами. Реальные исторические факты в романе М.Савича столь плотно переплетены с вымышленными, что отделить одно от другого под силу разве что специалисту-историку. Такова, очевидно, программная авторская установка — писатель творит свою реальность, утверждая равноправие вымысла и жизни, творит собственный миф о восставших. Мифологическое и фольклорное начала широко и естественно входят в художественную ткань произведения, легенда создается прямо на глазах читателя, придавая повествованию ритм волшебной сказки. Почти каждый персонаж показан в книге с различных сторон — одновременно как лицо реальное, общественное и частное, историческое и, наконец, как фольклорный герой. Повествователь выступает как наш современник, со своими вполне современными же проблемами; он объединяет все пласты текста и, подобно читателю, кажется захваченным и очарованным игрой предполагаемых вариантов и трактовок реальных историче-

¹ См. «Соврем. худож. литература за рубежом», 1987, № 6.